

РУССКИЙ МИР

ИНСТРУКЦИЯ ПО СБОРКЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Драко

Русский мир.

Инструкция по сборке

<https://litres.ru/74362202>

SelfPub; 2026

Аннотация

Щи проиграли суши. Домострой пал. Свобода уместается в шести сотках, а ипотека переживает брак. Мы строим заборы, чтобы защититься от соседей, и стоим в очередях, чтобы почувствовать себя живыми. Мы перекраиваем страну каждые сто лет, меняем богов и до сих пор не понимаем, что у нас на ужин. Эта книга — не сборник рассказов. Это рентген русского быта. Колючие, смешные, горькие и неудобные в своей честности истории о том, из чего мы собраны: из дачных войн и новогодних чудес, футбольных кричалок на пустырях и тихих бунтов старушек с красной помадой. Возможно, прочитав эту инструкцию, вы, наконец, поймёте, какая деталь у вас лишняя, а какого винтика не хватало всю жизнь

Содержание

Как суши победили щи	4
Русь. Портрет в единственном числе	7
Соседи	10
Бог	12
Еврейский вопрос	15
Отпуск	17
Деньги	19
Застолье	23
Дача	26
Море	31
Времена года	33

Мария Драко

Русский мир.

Инструкция по сборке

Как суши победили щи

Как суши победили щи

- А что на ужин?

- Щи...

Лаконичные, как приговор. Загадочные, как русская душа. Щи – продолжительный, полный исступления кулинарный акт. В них – вся правда и нагота отношений. Его кость, его хребет веками томился в яром кипячении, пока она своей кислой плотью не охлаждала и не наполняла смыслом их союз. Весь русский эрос вскормлен на щах. Ими пропитан быт и занят ум. С ними и в радости, и в горе, и на чужбине, и на крохотной кухоньке с крохотным окном. Щи – это ода дому и гимн семье. Они – наше всё. Наше вчерашнее всё... Щи, как послед уходящей эпохи. Они всё ещё страстно влюблены в наших бабушек, чуть кротки в присутствии мам и уже в полной опале у внучек. Их неизбежно разлюбили, о них не говорят или говорят с презрением. Вместо щей – фаст-фуд. Безликий на вкус, резкий в фонетике. Щи не та-

кие...От шумной публики домашние скромники и тихушники прячутся в массивных кастрюлях. Стоит про них забыть – сразу закисают. Раннимы и обидчивы. Их удел – воспоминания. Щи затравили в глянцевых журналах, вычеркнули из меню и отправили в пожизненную ссылку по убогим столовым. От них отреклись. Их победили – победили суши...на раз, два, три: водоросли, рис, рыба.

Быстрые в сборке, быстрые в поглощении, быстрые в полевкусии. С ними удобно и быстро. Быстро познакомиться, быстро сойтись, быстро разбежаться. Нет, не расстаться...Расставание – это драма без остатка, а чтобы сыграть драму, нужно любить Шекспира. А где Шекспир, там талант, там эпоха, там вечность, а вечность – слишком долго, нам не до неё, нам некогда. Нам бы по-быстрому, без мыслей и сложных слов...Поэтому суши безглагольные – их не варишь, не печёшь, не тушишь. Если соседствуют с водкой – закуска, если сладкие – десерт. Супом не назовёшь, хлебом не станут, до каш не дотягивают. Они без роду и без племени. Суши – мигранты. В душе – японцы, наружно – цыганщина. За пару лет обжились в дорогих кафе Монмартра, прописались на венецианских тарелках во «Флориане», очаровали коренных бургеров и устроили тихую в своей обоюдности революцию на русской кухне.

Она больше не прокладывает тернистых путей к его желудку через стояние в очередях за дефицитом. Не изнывает в многочасовом марафоне у огнедышащей плиты. Он пе-

рестал охотиться на мамонтов, разделывать туши вепрей и снисходительно подкармливать костями своих верных псов. Он измельчал. Мы измельчали. Щи проиграли. Домострой пал, а мы и не заметили:

- А что на ужин?

- Давай закажем суши...

Русь. Портрет в единственном числе

Русь. Портрет в единственном числе

Ей немного за 40, но выглядит на 30. Бывает красивой, когда захочет. Умной – если нужно. Весёлой – когда страшно. Платок. Бейсболка, коса. Чаще наскоро собранного пучка только короткая стрижка с непокорной чёлкой, реже шляпка, из совсем забытого-капор. Сегодня чеканит мостовую шпилькой, завтра с легкостью предаст её ради кроссовок. Зимой прячется в плюшевую шубу. Экологично. Ответственно. Следует тренду. Вскользь оглядывает отражение в витринах – и всё-таки не норка и тем более не соболя.

Кокетливо держит сигарету, кокетливо стряхивает пепел. Курит по привычке или за компанию, или когда прячется от боли. Если нигде не болит, но тоскливо, променяет сигарету на бокал вина или два, или закусит нижний уголок губы. Может быть чьей-то женой, если ей это не мешает. Любовницей – если устраивает. Подругой – если устаёт быть чьей-то женой. Матерью-если «так получилось» или «рано, конечно, но уже поздно», бывает и «поздно, но он, вроде бы, неплохой». Своих детей боготворит – чужие раздражают. Своим – всё и даже больше. Чужим – идите обедать к себе. Материнство для неё всегда во множестве: мы пошли, у нас первый зубик,

мы сдали ЕГЭ, мы поступили, мы нашли работу, у нас появилась девушка, мы встречаемся с парнем. Она болезненно кастрирует взрослую жизнь своих детей, даже если у них уже свои дети. Кто она без них – не знает, по другую сторону себя не заглядывает. За флажки нельзя, не принято, не умеет. Остаётся терпеть. Вечер у плиты вместо танцевального паркета. Синтепоновый пуховик вместо лёгкого манто. Хочет к морю, но обходится надувным бассейном на даче. Уговаривает себя: кроткий букетик ландышей в баночке – это красиво. Огромная корзина бесстыжих красных роз – вульгарно. Кольцо с бриллиантом – для содержанок, с сапфиром – для торговок. Она могла бы быть тылом для короля или полководца, но пришлось выбирать лучшего из худших. Других в России больше не рожают, а если и рожают, они не успевают раздаться в плечах, построить дома и посадить деревья. Она тоже мечтала о сыне, а получился сыночка.

На ней работа, дом, родители, уроки, курочка с макаронками, кредиты. Это не мешает ей быть стройной, насмешливой, игривой и беспощадно ироничной. Она лечит усталость флиртом, душевную пустоту театром и концертами. Криком изгоняет из себя гнев на футбольных аренах или лупит грушу в спортзале. Согревает своей добротой соседских старушек, покупает им хлеб и молоко, подкармливает бездомных котов. Угощает сама себя мороженым или сладкой ватой, катает на велосипеде и роликах. Загадывает желание под бой курантов и верит, что завтра будет лучше, чем сегодня – про-

сто она умеет ждать и терпеть, терпеть и ждать.

Соседи

Соседи

Соседей, как и родителей, не выбирают. Если повезёт, соседи станут вашими друзьями. Если нет, им присвоится нейтральный статус "люди за стенкой" либо политический – "враги народа". У соседей-друзей можно оставить запасные ключи, ребёнка на вечернюю передержку, одолжить муки или денег. Такие соседи не слышат звука вашего телевизора, вы не видите их ссор, не чувствуете запахов жареной рыбы или лука. Между вами чувство плеча, химия добра и родство, не по матери или отцу, по общему дому, подъезду, общей биографии и неожиданным «может, сообразим на две квартиры?». А это уже высшая форма любви, почти свинг при открытых дверях. И обязательно – на кухне.

Сначала только со своим. Мы с арбузом и винишком (зимой-мы с перцовочкой и грудинкой). Через час случается неизбежный обмен: Мусик, а сбегай за грибочками? Да зачем, у нас лечо тёщино есть. Девочки, вам винишко открыть или с нами на водочку перейдёте? Через два придёт Люда из 24-ой с домашней рябиновкой и пирогами. После полуночи-чей-то подросток с недовольным рывканьем: "родители, вы домой собираетесь, вам завтра на работу!". На финальную оргию все выйдут покурить между этажами, поспорить на русском с алкогольным акцентом, возможно, споют. Воз-

можно, снова выпьют: О, Людка, у тебя ещё и вишнёвка есть? Точно – обнимутся и разойдутся со счастливым послевкусием "не соседи, а дар Божий".

Соседи от лукавого почему-то тоже про Божье, но уже наказание. Возможно, всё дело в грамотном делегировании. Такие соседи не просто появляются в вашей жизнь, они в неё вламываются. Через стенку, потолок, лай собак, истерику жён, дым сигарет. У таких соседей нет имён. Они или безликие – «мужик на Хонде », «обесцвеченная тётка», – или их унижают местоимениями – «эта, с сопливым бульдогом», «тот, запойный дед». Любое слово – повод для скандала, просьба – слабость, общение – переговоры с террористами. Долго, напряжённо, с последствиями. Быть услышанным – значит перейти на ор, отборный мат или стук по батарее. Квартира перестаёт быть крепостью. Жизнь становится войной. И когда гнев отравляет всё кругом, они вдруг исчезают. «Представляете, съехали и холодильник хозяйский украли!», «Выселили с приставами», «Так ведь квартиру продали неделю назад». И впервые за долгие месяцы ночь становится тёмной, утро тихим, радость без злорадства, соседи любимыми. Пока не появятся новые.

Бог

Бог

Мы любим присваивать. Громко и категорично. Античный космос. Итальянский балет. Арабскую балалайку. Японскую матрёшку. Голландскую гжель. Тюркские валенки. Польскую водку. Чужие трофеи перекочевали на русскую почву, дали корни и расцвели национальным достоянием. Его обнесли высоким забором, описали в Большой советской энциклопедии, вражеской Википедии, выставили в музеях, напечатали на марках, открытках, отлили в памятники, отчеканили в монеты. А потом загадочная русская душа покусилась на ТЕБЯ. Мы – русские, и с нами Бог.

Ты молчал и, возможно, улыбался. Наивные дети умиляются. Перун с компанией неожиданно потеряли большинство голосов в верхней небесной палате. Курица оказалась не птицей, баба – не человеком, Мокошь с женщинами России была вынуждена занять своё законное место у плиты. Хорс и Семаргл медленно спивались. Остальные одномандатники ушли в подполье. Домовые, лешие, русалки, овиnnики, полевика предпочли безмолвную оппозицию. Им позволили остаться. Они получили паспорта, прописку и устроились в ТСЖ.

Присвоив себе чужую письменность, мы принялись писать себе новую биографию. Ты продолжал молчать и, воз-

можно, поднял бровь. Кризис трех лет всегда шумный и изнуряющий. Мы хотели «всё сами». Сами ходили за тридцать земель, крестили Русь огнём и мечом, стояли с полными сапогами воды на реке Калке, изобретали календарь и праздники, строили в твою честь храмы от Киева до Чернигова, писали тебя на фресках и иконах – одного, с сыном, со святым духом. Сходства было мало, но ты не обижался. Часто наша инициатива превышала наши возможности.

В подростковом кризисе мы решили занять твоё место и сотворить свой новый мир. Ты по-прежнему молчал. Возможно, разочарованно вздохнул и вышел покурить, чтобы вернуться через 70 лет. Что мы делали всё это время? Перестраивали. Обустраивали. Застраивали. Меняли приставки, но верили, что изменяем жизнь. Наслаждались садомазохизмом. Добровольно лишили себя нормальной родительской любви, юношеской беспечности и погрузились в беспросветную умственную бедность. Отринули прощение небесного отца и заменили его на суррогатные чувства к Родине. Родина-мать оказалась мачехой. В своей любви она несла не жизнь и созидание, она требовала жертвы во имя себя, подвига и смерти. Страх и ПТСР стали нашей религией. Мы потеряли тебя где-то между красным террором, ГУЛАГом и перестройкой. Между «Боже, царя храни» и «Боже, больше не могу». Мы пытались забыться в песнях, маршах, демонстрациях, соцсоревнованиях, в войнах, сладких чужих объятиях, на горьких чужих берегах. А когда ты снова протя-

нул руку, мы с прежним комсомольским задором ринулись в новую старую веру. Обменяли партбилеты на крестики, портреты Ленина на иконы, учебник Научного коммунизма на Евангелие. Строители вчерашнего коммунизма, Магнитки, ДнепроГЭС, БАМа и Московского метро так же истово принялись возводить храмы, церкви, часовни. К тебе провели прямую линию и посыпались миллионные просьбы – прости, сохрани, помоги, спаси, огради, защити, избавь... Ты слушал, но отвечал только юридическим и детям. Их не интересовала твоя работа, они видели в тебе друга, а не спасителя.

– Тебя мама ругает?

– А душа у меня моя или чья-то?

– Вдруг люди тебя не любят, а боятся?

– Может, я могу тебе чем-то помочь?

– Не бойся, Господи, я с Тобой!

– Ты бы создал во второй раз человека?

О-о-о! Ты улыбаешься детской прозорливости! А почему снова вздыхаешь? Впереди – кризис среднего возраста... Думаешь, не переживём? Да ладно тебе, мы же – русские, и ты с нами! Пока ещё с нами...

Еврейский вопрос

Еврейский вопрос

По сути, он – знак препинания, но ведёт себя, как глагол. Его задают. О нём спорят. Исследуют. Запрещают. Разрешают. Теряют, ищут, находят. Иногда забывают, потом снова приглашают в дом. Еврейский вопрос стоит остро. Уверенно. Регулярно. Иногда публично. Но не в синагоге или парламенте. Чаще на продуктовом рынке, в бане, под дачный шашлычок, после православной Пасхи. Он не читает российских газет – их никто не читает. Но. Просматривает заголовки и коллекционирует флексии: -овичи, -офе, -ази, -иро, -штейны, -каны, -маны. Иногда любопытно и филологично. Бывает – лирично. Ненавидит очереди, любые: за новыми айфонами, старыми жигулями, в буфеты театров, фойе цирков, в почтовые отделения. Но ходит туда, как на работу, - вдруг спросят: займёте? И вот тогда на главный еврейский вопрос найдётся главный еврейский ответ: ДА! Он любит женщин – ярко, богато, кошерно. Можно русских, но лучше тех, кого одобрит мама. Маму любит больше женщин. В шабат – больше и сильнее Господа. Еврейский вопрос никогда не будет окончательным и измеримым. Сколько? Если не в сантиметрах, то в шекелях. Если не мир и не война, таки шо? С ним носятся только мальчишки (у евреев нет просто мужчин – они всегда чьи-то сыновья, братья, мужья или отцы). Другое

дело еврейская мама (у евреев нет просто женщин, они всегда – чьи-то мамы...или сейчас, или вот-вот уже). Для неё всё очевидно. Она умеет обходиться двумя вопросами: шапку надел? И – ты покушал? Только это и есть еврейские вопросы – всё остальное знаки препинания.

Отпуск

Отпуск

Отпуск. Прибежать. Приползти. Доехать. Долететь. Упасть. Отключиться. Воскреснуть. Там, где отпуск – преодоление, там об руку с резвым и бодрым предложением «В». В горы. В палатку. В кемпинги. В домики, виллы, пентхаусы. В Москву, Питер, в Комарово и даже к бабушке в деревню (не все деревни ещё умерли, не все бабушки перебрались в город).

Там, где лето любит тело, а зимой согревается душа, там все на «НА». На озёра. На реки. На моря. На Мальдивы. А если не там, то на даче. Отпуск ожидается долго, мучительно и невыносимо. Проходит ярко и стремительно. Заканчивается всегда трагично – возвращением домой, выходом на работу. Послевкусие, как у любовной интрижки: приятно, но не долго.

За отпуск сражаются, им грезят, вдохновляются. Он возвращает к жизни, поскольку и есть та самая, недостижимая счастливая, беззаботная, так и не случившаяся жизнь. В отпуске под запретом слово «нельзя», в отпуске на всём дорогом лэйбл «можно». В отпуск нужно ворваться – пьяным, трезвым, измотанным, несчастным, закредитованным, отчаянным, опустошённым, разведённым, с девочками, с пацанами, с детьми, без детей, собаками, чемоданами, ручной кла-

дью. В отпуске отдыхают так, чтобы потом отдыхать от отпуска...

За отпуск прощают всё: дроны с их смертельными дождями, шизофреничные танцы ключевой ставки, непомерное эго налогов, нефтяные кружева на галичных пляжах, бензин за 90, 100, 200, «да, какая разница за сколько» - но только не перенос отпуска, тем более его отмену. Лишить нашего человека отпуска – значит оскопить его загадочную душу. Нажать на красную кнопку русского бунта. Отпуск восходит к крепостному праву и продолжает традиции Юрьева дня. Его гены от Полян и Кривичей, его вольный нрав из Орды, а имя ему – легион.

Деньги

Деньги

- Котик, дай денежку...
- Мам, кинь сотку на карту...
- Дюх, займи пятёрки...
- А мы сегодня пенсию получили...

Русский мир денег причудлив, разнороден, разноцветен. Быть богатым – постыдно, бедным – почётно, пенсионером – неизбежно, но не факт, что хватит на всех, и все дотянут. Русская тоска по деньгам болезненно патологична, отношение к ним христоматийно.

Лёгкие деньги можно только украсть или выиграть. Или обменять на постель. Они от лукавого. Хотя и грязные, но не пахнут. Слынут шальными, сулят горе и возвращение к нищете. В них нет неизбежного страдания и запрета на количество, качество, удовольствия. Их транжирят, спускают, ими сорят, растапливают камин, их превращают в дорогой алкоголь, яхты, дворцы, виноградники, картины Делакруа, яйца Фаберже, сумочки Биркин. Их обменивают на молодость, покупают себе вкус, покой, образ мецената, реже – здоровье и индугенцию.

Правильные деньги всегда про боль, лишение, честность, мечты с надеждами, понятный и простой сценарий: 30 лет на одном месте, каждый день одно и то же, с одними и теми же.

Пусть и бессмысленно, но азартно. Пусть бессистемно, но коллективно. Пусть изнуряюще, но ударно. Как, всё бросить и начать с нуля?

Правильные деньги может принести только правильная работа или любимая. Ещё одна субличность правильных русских денег. Она не живёт в терминах математических алгоритмов, не описывается заголовками международной классификации болезней, не значится в современной табели о рангах. Она или есть, или без неё трагедия. С ней только по любви, ради удовольствия, из-за таланта, гениальности или кривой судьбы. Она и не работа вовсе, она жизнь или высококлассное ремесло. Верная, как жена, окрыляющая, как боевая подруга, принимающая, как мать. Деньги от неё, как долгожданное чадо после ЭКО. Когда хочется – не получается, стоит почти сдать – случается чудо. Такие правильные деньги самодостаточны – знают себе цену, приумножаются без надрыва, страсти и гормона жадности. Они безопасны и регулярны. С ними можно многое, но уже не хочешь или умеешь без них.

Говорить о деньгах – неприлично, как будто это куртизанка на сносях от скромного еврейского мальчика. Занимать – опасно, как будто это снова куртизанка, голодная до чужих мужей. Хранить не депозите – странно, как будто это всё та же куртизанка, решившая стать девственницей.

Русские деньги безликие – они не смотрят на вас иронич-

ной усталостью Франклина, отёкшим от власти лицом Чингиз Хана, сканирующим прищуром Черчилля или подростковой надменностью Наполеона. Рубль взирает на всех молча, как прокурор в зале суда — вопросов не задаёт, но и уйти не предлагает. В наших деньгах защита казённая строгость — рубль видит мир окнами часовен, арками мостов, стенами крепостей. По ним можно изучать топографическую карту госсобственности и то, как Русь-тройка несётся неведомо куда: сначала в колеснице Аполлона, потом скользит Метеором по Волге-матушке и, наконец, уносит себя с грешной земли на космодроме «Восточный». На русских купюрах наглядно воплощена национальная идея, отчеканенная в металле и напечатанная на бумаге: процесс важнее результата. Доехать нельзя. Остановиться — тем более. В рубле нет поэтичного восторга — «Красиво!», в нём есть суровый прагматизм — «Подделать невозможно».

Русские деньги не пахнут богатством, они пропитаны канцелярией — типографской краской, сургучом, упущенным временем. На ощупь они плотные, почти грубые — не шелковистые, как евро, и не хрустящие, как свежие доллары. Они не ласкают пальцы. Они сопротивляются. Когда в руках оказывается пачка рублей, возникает ощущение, что ты не владелец, а курьер — просто переносишь что-то тяжёлое и запретное из пункта «А» в пункт «Б». Попробуйте влюбиться в рубль. Не получится. Он не для любви, он для отчётности. Поэтому «дай денежку» останется вечным заклинанием,

«сотка на карту» — ритуалом, а «мы сегодня пенсию получили» — главной новостью миллионов семей. Русские деньги не кончаются. Они просто превращаются обратно в то, с чего начались: в надежду, унижение, молчаливое «спасибо» и обещание дожить до следующей получки или пенсии...наши деньги никогда не подарят свободу, они лишь отсрочат разговор о её отсутствии.

Застолье

Застолье

Здесь всё начинается между первой и второй. Третью поднимают за любовь, но именно она открывает хмельным ключом двери в другой мир. Застолье всегда про праздник, лёгкость, удовольствие и щедрость. Даже если повод — чья-то смерть. Даже если напитки тёплые и из горла бутылки. Даже если из закусок одна грязная ириска или вода. Застолье — это дипломатия, тут творится история, и решаются судьбы: кого поженить, кому дать в долг, куда поехать отдыхать, какой фильм пересмотреть, за кого голосовать. Здесь нет случайных фраз. Каждая — с подтекстом. Каждая — с особым ударением. На застолье время останавливается. Салаты вянут, закуски заветриваются, горячее остывает, но разговор бешено пульсирует. Он перетекает из комнаты на балкон, с балкона — на лестницу, с лестницы — в ночной двор, где кто-то обязательно продолжит петь или плакать.

У Застолья душа космополита, сердце задорного затейника-аниматора, печень заслуженного алкоголика. Столовая, кафе, ресторан, кухня, парадное, дача, дорога, командировка, конференция. Застолье вне границ. Ему всё равно, где начаться. Ему не всё равно, с кем. Родственники близкие, дальние. Мужья с жёнами. Мужья с другими мужьями. Их жёны с девочками. Друзья. Соседи. Коллеги. Первые встреч-

ные и даже враги...резус их жизни может не совпадать, но желание «посидеть» всегда общее.

Что взять? Когда про глубину страдания и тупик — водка. Про примирение с миром и штиль внутри себя — коньяк. Легкомысленные приключения с неудобным и конфузным утром — конечно, под красное сладкое. Заглянуть на ярмарку тщеславия или выгулять пиджак снобизма под разговоры про Моне и Мане, Гегеля и Гоголя, Петипа и Баланчина — только под белое сухое. Пиво...тут без определений и сословий. Оно, как гастарбайтер: о нём всегда с брезгливым пренебрежением, но без него никуда. И оно всегда рядом. Перед тем, как провалиться в потусторонний мир опьянения, вы услышите его нежный шёпот.

Застолье может начинаться в «Турандот» или «Белом кролике», под одной или россыпью из пяти звёзд Мишлена, в Нижнем Ист-Сайде или в Верхних Черёмушках. Но всегда есть тот, кто не пьёт. Он — зеркало застолья. Смотрит на всё трезвыми глазами. Запоминает, кто ушёл в туалет и не вернулся, кто на чьей груди рыдал, кто стащил пепельницу или заснул лицом в салате. Он хранитель всех тайн, это его сила и проклятие.

Звон бокалов, хруст чипсов или огурца, кашель после щедрого глотка, громкий смех, истошный вопль или звенящая тишина скорби — застолье любит хаос звуков, это его гармония, но главный его инструмент — нет, не рот, а руки. Одни держат рюмку тремя пальцами, как хирург скальпель.

Другие сжимают её в кулаке. Кто-то наливает не глядя. Кто-то прячет дрожащие руки под стол. Чьи-то тянутся к бутылке, чьи-то — к соседке. Руки никогда не врут, они честнее любого тоста, кроме последнего. «Ну, по последней?». Все знают, что это ложь. Но произносят с верой. И поднимают. Потому что в этом тосте — надежда, вдруг завтра будет по-другому. Или что завтра не наступит. А потом застолье заканчивается. Кто-то уходит тихо, как тень. Кто-то шумно, обнимая всех и обещая перезвонить. Кто-то с ненавистью к таксисту, который поднял оплату уже вдвое. Кто-то неуверенным шагом, потому что сидеть — значит не упасть. Каждый выход — маленькая смерть. И новое рождение. До следующего раза.

Дача

Дача

Островок русской свободы. По амбициям — помещечья усадьба, по крови — обмельчавший плебей, по сути — огород, по кадастровому паспорту — 6 соток. Маленький надел земли с имперскими фантазиями его собственников — у нас есть своя дача. Для пожилых она смысл жизни, для их детей верный способ отключить голову, дети их детей вообще не наделяют её смыслами и игнорируют как реальность. Гиблое место, которого не должно существовать, но оно есть.

Русская дача, больше, чем бездушный надел. Она сродни религиозному культу, ей поклоняются, её боготворят. 9 дачных заповедей гласят: до дачи нужно дорасти, дача снимает стресс, на даче хорошо, дача — это хобби, на даче отсыпается, дачный воздух чистый, дача для отдыха, дача продлевает жизнь, дача кормит. И не одну семью. 70 корней томатов. 3 сотки картофеля. 10 грядок клубники (или виктории — спор болезненный, почти этнический). Зеленушку посадим? А у тебя рассады не осталось? Почём перегной брали? Вам Петрович пахал? Куда ты своих пионов натыкала? Надо же, как поликарбонат для теплички подорожал! Это войлочная вишня? Баклажаны? Калина бульденеж? Какие гортензии!

Архитектура дачи самобытна, как и её обитатели. Стиль барака узнаваем в любой точке России. Из шпал и палок.

Из брёвен и кирпича. Из газобетона. Каркасные. Модульные. Сэндвичные. С наличниками из бабушкиного деревенского дома, с модным сайдингом, с верандой из жидкого остекления, с бассейном из ПВХ, с парковой для машины, 2 машин, 3 машин, газонокосилки, снегоуборщика, будкой для Дружка, лежанкой для Барсика, гамаком для детей, беседкой для тёщеньки, банькой для друзей. А у вас видеонаблюдение есть? Вы, реально, завели кур? В смысле, кроликов держите? Так, папа нам свои улы отдаёт.

Когда дача перерастает саму себя, она становится ковчегом русского завета, здесь не только всё парное, здесь не в обиде на тесноту, здесь пожнёшь то, что посеешь. А сеют не только съедобное с добрым, но и вечное. Старый хрустальный сервиз. Самовар. Подшивку Нового мира (не смей разжигать ей камин, это семейная реликвия). Дедушкин брезентовый дождевик. Лосьи рога. Медвежью шкуру. Дядину бамбуковую удочку. Ленинградский фарфор? Это у вас чехословацкая стенка? Настоящий туркменский ковёр? «Не выбрасывай, увезём на дачу» — это не про захламление, это про реинкарнацию, верность или про 10 дачную заповедь. Тут нет старья, тут хранят верность былой роскоши эпох, тут заморожена история людей, семей и страны. Стоит открыть дверь туалета-слева стопка книг из серии ЖЗЛ, с недобрым взглядом Ломоносова (экие вы, братцы, варвары, на мою харю рулон туалетной бумаги ставите), справа — постеры из 90-х с недобрым красным глазом терминатора Арнольда. За-

браться на чердак или не достроенный 2 этаж (еще один спор, тоже болезненный, но уже риторический) — сразу запнёшься о клад из советских ёлочных игрушек. Их когда-то укутали газетами эпохи развитого социализма, заперли в деревянном чемодане и похоронили на даче. Тут, что не вещь, то судьба, или выброшенная на обочину истории, или впавшая в летаргический сон. Шанс обрести бессмертие или вторую жизнь есть, но ничтожен. Попасть в топку печи, сгнить, оказаться съеденными молью куда реальнее.

А вот сами дачники, как вид, бессмертны. Вчерашние молодые исполины становятся сегодняшними ветхозаветными старичками — телом, но не духом. Добраться на электричке за 100 км — легко, всё равно что совершить Исход. Повторять его каждую пятницу — сродни восхождению на Синай. 6 соток — земля обетованная. От епитимии до епифании всего три дачных месяца. Для них пахать, не просто молиться. Здесь место силы и настоящей свободы, которая могла бы быть бескрайней, но поделена на участки и обнесена заборами.

Лоскутное одеяло из дач покрывает всю Россию. Согревает, как может, но длины на всех не хватает — ноги всегда наружу и всегда мёрзнут. А если натянуть на голову и спрятаться от монстров, то можно впасть в лирическую дрему. Дача пробуждает в русской душе поэзию. Нельзя запереть названия дач в тиски бездушной аббревиатуры СНТ, лирика всё равно пробьётся «Родником» или «Холодными клю-

чами». «Мечта». «Рассвет». «Дружба». «Надежда». «Ариадна». «Бахус». «Гера». «Чародеи». «Радуга». «Алые зори». «Северное сияние». «Садовод -1». «Садовод-2». Российские дачи, как сёстры-близнецы или братья-погодки.

Битва за урожай, война с колорадским жуком, мокрецом, осотом, шумными и пьяненькими соседями, наглыми белками, бессмертными медведками, засухой, дождями, градом, пожарами делает все дачи похожими друг на друга, но каждый несчастливый дачник несчастлив по-своему. У него всегда что-то не взойдёт, замёрзнет, обнесётся тлёй, украдётся шумными и пьяненькими соседями, склюётся дроздами, съестся гусеницами, не уродится, а если и уродится, то так мало, что плачь. А «купим на рынке или в магазине» — это предательство.

Дача не спасает от голода и не продлевает жизнь, она выращивает иллюзии. Каждый сезон — как маленькая вечность. Когда дачник закрывает калитку в октябре и говорит: «Ну всё, до весны», — он лукавит, потому что дача всегда с ним, она глубоко внутри, с ней невозможно расстаться. Даже если жизнь всё-таки остановится, и сюда никто не приедет. Участок зарастёт борщевиком, забор проржавеет, теплица сложится под снегом, как рёбра исполина. И только председатель, обходя дачный посёлок, с горькой завистью вспомнит — «Какие у них были помидоры!». Но земля не умеет жить в одиночестве, вдовья судьба не её путь. Она обязательно даст новую поросль, когда однажды кто-то скажет: «А давай ку-

пим дачу?». И снова круг замкнётся, и снова будет май.

Море

Море

— А поехали на море?! Чёрное? Оно какое-то всё своё, как будто и не море. Средиземное? Ой, ну там русских много, а их и дома хватает. Балтика? Скажешь тоже. Там холодно и характер. С таким не отдыхают, такое покоряют или сдаются.

Море — это всегда про компромисс. Не хватает на Италию? Добро пожаловать в Сочи. Не получается в Сочи? Едем в Анапу. Не получается в Анапу? Едем на Байкал, его тоже называют морем. Русская душа зреет в крайностях, поэтому и любит бескрайность — поля, степи, тайгу. Море — такая же бесконечность, только мокрая и бирюзовая. Глоток радости объёмом в 10 дней с солёным привкусом.

Включают лето — начинается сезон. Подружиться с загаром, выгулять три купальника, чемодан платьев... женщины на море разрешает себе почти всё, даже шашлык с лавашом. Море разрешает женщине быть беззаботной и красивой. С мужчинами море договаривается так: спроси сначала у жены. А-а-а, ты без жены...приятель, тогда это на твоей совести. На море мужчина или герой-любовник, или герой-добытчик. Носит пакеты с арбузом и черешней, открывает шампанское, надувает матрац, даёт деньги на дайвинг, снорклинг, экскурсии, рестораны, фотографа...Его настоя-

шая жизнь осталась дома. На море он — функция.

У всех море разное, но для него мы все одинаковые. Безымянная старушка с корзинкой. Приходит каждый день в одно и то же время. Садится на «свой» камень, гладит ладонью волны, смотрит за горизонт и кому-то машет — то ли уходящей жизни, то ли себе.

Детский визг бесконечных Вадиков, Светочек, Кирюш, Марусь, Алис. Они собирают урожаи из гальки и ракушек. Строят города в лучших традициях Гауди, рисуют на песке облака Айвазовского, что-то напевают, похожее на Магомаева, смотрят за горизонт и тоже кому-то машут — то ли своей будущности, то ли ангелу-хранителю.

Тучный дядя с пивом и животиком. Носит солнцезащитные очки шире лица, красную бандану, постоянно теряет один сланец, плавится на лежаке и кричит в телефон про кукурузу, чачу, раков, погоду, медуз. Он никогда не смотрит за горизонт и не знает, что море — это про тишину.

Местный кот. Ходит по пляжу, ничего не просит, но все его подкармливают. На «Ваську» и «кис-кис» не откликается. Также не смотрит за горизонт и отворачивается от моря, он — хранитель этого пляжа. А те, кто его занял — всего лишь сезонные паломники. Они приезжают сюда не отдыхать, а свидетельствовать: были, видели, дышали, плавали, потратились. Доказательство — загар и геометки в соцсетях. Если что-то не успели — будет повод вернуться в следующем году. Главное, в это верить.

Времена года

Времена года

В России есть только два времени года — лето и зима. Все остальное — или предчувствие, или прощание. Лето проживается, как 10 жизней в нон-стопе, зима обнимается с вечностью. Одно страстно любят и хотят, от второго вздрагивают: оно медленное, брюзжащее выюгами и холодами, но без него странно. Лето звучит праздничной хлопущей. Зима, как удар в набат, тяжёлый и отдающий долгим гулом. Они кажутся соперницами, но, на самом деле, — сестры, хотя и сводные. Старшая снисходительна и скупа на объятия, младшая — беззаботная егоза.

Она всегда с придуры, фантазией, желаниями, суетой, разъездами, то в туфлях на босу ногу, то в кроксах. Распускает на лицах веснушки, потешается над сгоревшими носами, раскрашивает тела загаром, согревает души счастьем. В начале мая стриётся под ноль, в июне носит соломенную шляпу, в июле зарастает рыжей копной волос, в августе заплетается выгоревшей на солнце косой. Живёт вдохами, приключениями и детским восторгом. Вот это радуга! О, ласточки прилетели. Какой туман над рекой! Пионы расцвели! Под дождь попали! Вот это грозы! Мороженое будешь? Уже клубника поспела? Здравствуй, море! А пойдёмте в горы? Лето поцеловано Богом-оно придумало путешествия и по-

дарило их людям. Квартиры и дома летом пустеют, цветы и питомцев навещают соседи с друзьями, платёжки за коммуналку копят в почтовом ящике, материки превращаются в муровейники. Всё кишит наглым и отчаянным туристом. Шёпот «как изумительно» подхватывают волны Балтийской косы, от крика «ох@но-то как» вздрагивает даже мыс Дежнёва. Там, где вчера не ступала нога человека, сегодня петляют тропинки с окурками и пластиковыми бутылками на обочине.

Летом надо успеть если не всё, то многое. Куда-то сходить-в отпуск, в поход, на пляж, на рейв, на драйв, на закрытие сезона в МХАТ, на открытие ресторана. Что-то или кого-то встретить: рассвет, закат, большую любовь, понаехавших на юг родственников из Сибири, бывших одноклассников на Невском, нынешних коллег, от которых можно спрятаться в подворотне и открыть для себя неожиданно новое. Ночной алкотур, окрошку на просекко, просекко под копчёное сало, сало с икрой из лисичек, тантрический шодхан под луной...Или забытое: посиделки у костра, в песочнице с портвейном, но уже португальским, с такой же дерзкой девчонкой, как и 20 лет назад, но уже твоей женой. Вы мурлыкаете друг другу «Город золотой», а дочь смотрит на ваши причуды с балкона под «Вечно молодой» Вани Дмитриенко. У каждого свой Моцарт, свой Сальери и то самое, особенное лето. Оно до сих пор поёт цикадами, шумит ночным морем, пахнет айвовым вареньем, магнолией, накрывает звёздным

небом и бесконечной радостью.

У Зимы по-другому. Она укрывает. Собой. Землю от сороки и грязи. Небеса от их бесконечного одиночества. Нас с вами мягкой тишиной, чтобы, наконец, прислушались к себе. Зима живёт заботой и паузами. Между людьми — когда прогулка заполняется не словами, а молчанием под хруст снега. Между делами — когда вместо «надо» можно «полежу ещё пять минут». Между вопросами, на которые летом отвечают, а зимой проходят мимо и только улыбаются сквозь иней ресниц или шарф. Холодная и сдержанная снаружи, она вдруг оказывается неожиданной шельмой внутри. Ест пломбир при -30, пьёт холодный спирт и закусывает сосульками (она взрослая, ей можно), после бани ныряет в сугробы, выплывает, хлещет себя берёзовым веником и снова ныряет. Красит губы красной помадой, а щёки румянами (она красивая, ей это нужно). Зачем-то лижет металлические трубы — уже не ребёнок, но надеется на «а вдруг». Бесстыдно и страстно целует узорами оконные стекла. Ходит без шапки, но в шерстяных носках и белых валенках, играет с детьми в снежки, грызёт морковный нос снеговика. Спонтанно покупает сарафаны и шорты, тайком носит их дома, пока никто не видит. И тоже мечтает. О своём лете.